

УДК 930.1
DOI 10.52452/19931778_2021_2_76

К ВОПРОСУ ОБ УРОВНЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ В РУССКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЯХ НАЧАЛА XIX ВЕКА

© 2021 г.

Н.И. Солнцев

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

sochin3@yandex.ru

Поступила в редакцию 01.03.2021

Выявляются уровни исторической информации в текстах исторических произведений XVIII – начала XIX века. С опорой на положение, согласно которому историческое произведение представляет собой разновидность текста с характерными предметно-смысловыми, логико-композиционными и информативными особенностями, выявляются и обосновываются причины возникновения в текстах «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина и «Краткой церковной российской истории» митрополита Платона (Левшина) уровня концептуальной исторической информации, что может быть расценено как первая попытка осмысления исторической закономерности.

Ключевые слова: историография, историческая информация, историческая концепция, авторский вывод, причинно-следственные связи, история исторической науки в России.

Начало XVIII века решительно меняет образ России. Реформы Петра I, реализуя интересы нового русского государства, открывают для него горизонты европейской политики. В дипломатических и военных столкновениях формируется облик Российской империи. Политическое наследие великого реформатора заставляет по-новому конкретно и практически подойти к осмыслению прошлого, соотнести его с настоящим. Это предполагает рассмотрение истории как хранилища фактов, событий, позволяющих выстраивать дипломатические отношения, создавать прецеденты войны и мира. Подобное положение дел и определило вектор историографического развития, а именно создание крупных исторических произведений, посвященных национальной истории, ценность которых определялась количеством содержащейся в них фактической информации. Реализация этой задачи сформировала облик историографии XVIII столетия, века начала русской исторической науки.

В это время складывается круг научной литературы, фактически формирующей базу отечественных исторических исследований. Так, в исторических сочинениях В.Н. Татищева, Г.Ф. Миллера, М.М. Щербатова, И.Н. Болтина, А.Л. Шлецера, составивших честь русской исторической науке, происходит мобилизация огромного количества фактического материала, возникают элементы исторической критики, делаются первые попытки создать системное видение истории России, которому соответствует введение в изложение некой формы повествовательности, выражающейся в авторской точке зрения, позиционируемой как объектив-

ная реальность. Этот ярко выраженный актив складывающейся русской исторической науки соседствует, к сожалению, с не менее ярким пассивом. В изложениях российской истории, вышедших из-под пера В.Н. Татищева и М.М. Щербатова, явно прослеживается склонность к нарративизации изложения, что напрямую роднит их с предшествующими летописно-хроникальными историческими произведениями. В отношении сочинения В.Н. Татищева на долгие годы даже складывается миф, что в его «Истории» исследователь прежде всего находит монтаж летописных отрывков, в точности перенесенных из летописей [1, с. 18].

Характерна для исторических сочинений этого времени и еще одна деталь. Материал летописного источника, транслирующийся через историческое сочинение, к XVIII столетию уже достаточно хорошо известен, большинство сюжетов исторических событий уже описано предшествующей историографией. Таким образом, для придания своим работам творческой новизны историки начинают прибегать к «улучшению» повествования, что должно придать ему, по их мнению, большую объективность и научную значимость. Это приводит их к расширению дискурса за счет привлечения в повествование дополнительных сведений. В научной же действительности XVIII столетия, когда задачи истории «не иное есть, как восприятие бывших деяний и приключений добрых и злых» [2, с. II], все это выражается в дописывании исторических текстов, как это констатирует А.П. Толочко в отношении сочинения Татищева [1, с. 263–266], либо во введении мало актуальных сведений из античных

источников, весьма условно связанных с историей отечества, как это делает М.М. Щербатов.

Налицо своеобразный кризис презентации исторического материала, который мог быть разрешен введением в текст осмысления исторического факта, выявлением, пусть простейших, исторических закономерностей, то есть появлением в историческом тексте принципиально нового уровня концептуальной информации. Следуя положению, что любое историческое произведение представляет собой текст с характерными предметно-смысловыми и информативными особенностями, в рамках данного исследования мы предпримем попытку выявить время возникновения в исторических текстах конца XVIII – начала XIX века признаков зарождения концептуальности в авторской подаче исторического материала. Поставить такую исследовательскую задачу позволяет еще на одна характерная деталь полномасштабных исторических работ этого времени, о которой следует сказать насколько слов.

Расширение источниковой базы исследований, вне всякого сомнения, говорит о начале личностного отношения авторов к содержанию своих сочинений. В конечном итоге указанные выше особенности были всего лишь попыткой актуализировать исследование, соотнести его с «гисторическим порядком», то есть увязать с современностью. Однако до уровня генеральных обобщений, концептуализации исторического повествования история XVIII века подняться пока не могла. Татищев намеренно маскирует свое изложение литературно-летописным стилем [1, с. 263], что «освобождает» его от научного анализа. В тексте «Истории российской...» князя Щербатова причинно-следственные связи, исторические обобщения, иллюстрирующие научную задачу, поставленную автором, практически не читаются. Мировоззренческие позиции авторов, вошедшие в анналы российской историографии, достаточно подробно изложены в их публицистике, что не может быть сброшено со счетов, но не в историописании, которому, по мнению Н.Л. Рубинштейна, все-таки соответствует упрощенно-рационалистическое толкование истории [3, с. 130]. Подобное отношение к построению исторического повествования было, судя по всему, настолько нормативным, что, выйдя на уровень критических замечаний по поводу исторических работ Н.-Г. Леклерка и М.М. Щербатова, И.Н. Болтин практически ни разу не коснулся принципов построения этих произведений, однако скрупулезно выискивал и демонстрировал фактические ошибки сочинителей. Это, в свою очередь, дает основания полагать, что концептуализация историче-

ского процесса не входила в задачи авторов этого периода и полностью заслонялась фактической исторической информацией.

Было бы странно предполагать, что русские церковно-исторические исследования могут пройти иной путь исторического развития. Несмотря на то что история русской церкви не получила в XVIII веке столь динамичного развития, определенный научный багаж был уже сформирован. Церковно-исторические исследования были представлены произведением «De Rossorum hierarchia» Никодима (Адама Бурхарда Селия), появившимся в первой половине XVIII века, работой Московского архиепископа Амвросия (Зертис-Каменского), получившей окончательную редакцию после его смерти трудами митрополита Киевского Евгения (Болховитинова) и епископа Амвросия (Орнатского) и вышедшей в свет под названием «История российской иерархии». В этом же ряду стоит и исторический труд протоиерея московского Архангельского собора Петра Алексея «Начертание истории греко-российской церкви» [4, с. 13–14].

Все эти тексты похожи манерой подачи информации. Внимание авторов сосредоточено на описании деятельности русской церковной иерархии, деятельности митрополитов и патриархов, жизни епархий, политике замещения вакантных церковных должностей. Сам принцип написания подобного рода исторических произведений был достаточно ясно сформулирован митрополитом Евгением (Болховитиновым). По словам его биографа Н.И. Полетаева, преосвященный историк неоднократно говаривал: «Сущность истории ... состоит в том, чтобы представить бытие и деяния сколь можно так, как они были, и в том порядке, как были» [5, с. 529–530]. Таким образом, история виделась митрополиту Евгению как хронологически упорядоченное повествование, где в известном порядке поданы читателю факты, поступки, имена. «Что есть – хорошо, а чего нет, нечего о том и думать» [5, с. 529], – передает Полетаев слова церковного историка. Вся историческая информация тем самым приобретает летописно-повествовательный характер, в котором, например, данные об иерархах церкви не идут далее формулярных списков. «Факты собираются у него без различия важного от пустого ... причин и следствий события не увидите у него, разве там, где они попались ему на глаза» [6, с. 444], – характеризует особенности научного стиля Болховитинова архиепископ Черниговский Филарет (Гумилевский). Подобные критические замечания Филарета легко объяснить. Историк, время научного действия которого приходится на середину XIX века, становится

уже сложно понять логику подачи материала предыдущего столетия.

Таким образом, принципом построения исторического исследования в XVIII веке становится создание литературно-повествовательного сочинения, систематически излагающего последовательность развития исторических событий. Центр тяжести исторического изложения перенесен на конкретные факты, представлен в историческом источнике. Причинно-следственные связи устанавливаются непосредственно между отдельными историческими фактами и подчинены примитивной логике, основанной на событийной хронологии явлений и на аспектах психики действующих на этом временном отрезке личностей. Закономерность исторического процесса подчиняется неизменно заданному ритму, в котором логика развития подменена логикой событийности, а смена эпох напоминает смену декораций в пьесе с раз и навсегда установленным сценарием, определенным божественным домостроительством. Данному образцу исторического дискурса соответствовал и метод исследования, в котором аналитическая часть исследования еще не сложилась, так как вопрос осмысления событий не ставился, а на первый план выходило формирование информационной избыточности исторического материала.

Однако исторические события конца XVIII века зримо потребовали принципиальных изменений в принципах написания исторических произведений. Привычная логика исторических событий была бесцеремонно нарушена. Французская революция не вписывалась в рамки старых критериев оценки исторического процесса, и первый вопрос, поставленный на повестку дня европейской интеллектуальной элитой, был о том, как и почему это могло произойти. «Это не бунт, это не революция, это Бог знает, что такое» [7, с. 231], – передает слова Екатерины II С.Н. Глинка. «Закроем высокоумные книги наши и примемся вновь за букварь» [7, с. 231], – провозглашает императрица. Это в свою очередь породило целенаправленную попытку рассмотреть исторические явления вне простейшей последовательности событий, как процесс, в основу которого ложится поиск причинно-следственного критерия, отражающего историческую закономерность.

Историк, ангажированный эпохой, не был свободен от политических и идеологических принципов, определивших его личные мировоззренческие взгляды, а потрясения конца XVIII – начала XIX веков не могли не перевернуть сознание большей части российского общества. Философия французских энциклопедистов, «бо-

гиня разума» для нескольких поколений русского дворянства, обернулась революционным террором, разрушением устоев жизни всего европейского общества. «Ужасы революции заставили осмотреться как беззаботных последователей энциклопедизма, так и не довольно ясно видевших опасные стороны его», – так впоследствии охарактеризует эпоху один из видных историков русской церкви архиепископ Черниговский Филарет (Гумилевский) [8, с. 745]. В хаосе европейских политических перипетий Российская империя оставалась образцом стабильности, раз и навсегда установленного миропорядка. Это уникальное явление требовало от историка аналитического обоснования, которое, в свою очередь, потребовало новых принципов как исторического исследования, так и подачи фактического материала. В буквальном смысле историку пришлось реализовать завет Екатерины II «сесть за букварь» и, балансируя на грани объективности и пристрастности, создать историческое произведение, не констатирующее историческую информацию как сумму фактов, а объясняющее их смысл, причины и последствия. Данное обстоятельство и определило уникальную значимость «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, заложившей новое, концептуальное прочтение русской истории.

Характерно, что в тот же период, когда Карамзин трудился над своей «Историей...», в Москве вышло в свет еще одно историческое сочинение, отмеченное современниками, – двухтомная «Краткая российская церковная история» (1805), принадлежащая перу митрополита Московского и Коломенского Платона (Левшина). Царедворец и церковный иерарх, богослов и церковный историк, критик порядков правления Екатерины II и законоучитель цесаревича Павла, митрополит Платон входит в историю как образованнейший человек своего времени, автор богословских и церковно-исторических трудов, проповедей, путевых заметок и обширной переписки [6, с. 406]. Стоит ли удивляться тому, что высокий уровень талантов и яркость натуры этого человека всегда привлекали внимание исследователей [9–19]. Характеризуя состояние русской церковно-исторической науки начала XIX века, А.В. Карташев в своем историографическом очерке отмечает «Краткую российскую церковную историю» как первое системное сочинение, изложившее историю русской церкви, и, несмотря на ряд недостатков, раз и навсегда вписывает сочинение Платона в русскую историографию [4, с. 14–15]. Работа была далеко не совершенна, страдала отсутствием периодизации, деление на главы зачастую не было логически

обосновано, автор явно увлекался летописной повествовательностью, однако в ней присутствовал «дар исторического прозрения, способность схватывать причинный смысл давно минувших событий» [4, с. 16]. «Труд редкий по талантности, полный обилием фактов, метких замечаний и серьезной критики», – характеризует эту работу профессор Казанской духовной академии П.В. Знаменский [20, с. 105].

Все эти характеристики становятся еще более значимыми, если принять во внимание тот факт, что митрополит Платон обратился к историческим исследованиям в весьма почтенном возрасте. На момент выхода его произведения ему уже 68 лет. Всем своим историографическим опытом он обязан XVIII веку. История для него – это прежде всего серия «достопамятных» фактов. Его биограф, профессор Московской духовной академии С.К. Смирнов, характеризуя исторические воззрения преосвященного историка, приводит слова инструкции, написанной им для исторического класса академии: «История ничего более не требует, как чтобы ученики весьма памятовали, что читали, а особливо достопамятные в Церкви случаи» [21, с. 297]. Подобная риторика ярко свидетельствует о следовании историографическим правилам XVIII века, но все же эпоха потребовала от автора подняться над традицией, создав новое по духу историческое произведение. Сущность этих новаций следует объяснить отдельно.

По сути своей любое историческое произведение прежде всего представляет собой разновидность текста с характерными предметно-смысловыми, логико-композиционными и информативными особенностями. Как отмечает Е.А. Баженова, именно заключенная в тексте информация делает его социально значимым [22, с. 63]. И.Р. Гальперин, характеризуя текст как объект лингвистического исследования, квалифицирует информацию как основную его категорию и разделяет ее на содержательно-фактуальную, содержательно-концептуальную, содержательно-подтекстовую [23, с. 27]. В историческом произведении содержательно-фактуальная информация составляет набор сведений о явлениях, их последовательности, характеристиках, прочих фактах о событиях и процессах, происходивших в прошлом. К фактуальной информации можно отнести также гипотезы, оценки, демонстрацию взглядов тех или иных авторов на объект исторического исследования. В частности, критика источника и ее результаты как таковые в основном составляют фактуальную информацию исследования. Отличительная черта этого вида информации, как подчеркивает И.Р. Гальперин, в

том, что она всегда эксплицитна по своей природе, то есть выражена вербально в предметно-логических словарных значениях [23, с. 28].

Содержательно-концептуальная информация характеризуется индивидуально-авторским осмыслением связи между явлениями, зафиксированными и описанными средствами содержательно-фактуальной информации. К концептуальности можно отнести понимание и объяснение автором причинно-следственных связей, истолкование значения тех или иных исторических эпизодов для характеристики социально-политической и культурной жизни общества. «Такая информация извлекается из всего произведения и представляет собой творческое переосмысление указанных отношений, фактов, событий, процессов, происходящих в обществе и представленных писателем в созданном им воображаемом мире» [23, с. 28]. Поиск и выделение концептуальной информации, таким образом, становится главной задачей историографического исследования, так как авторское понимание и трактовка явлений и фактов прошлого не всегда могут быть легко выявлены в тексте.

Концептуальная информация, получаемая из любого вида текста, во многом детерминирована самим названием произведения. Так, «История государства Российского» Н.М. Карамзина изначально информирует осведомленного читателя о приоритетах и логике авторского исторического изложения. Для Карамзина критерием осмысления исторической закономерности является эволюция государственного устройства России, которая становится основополагающим фактором исторического процесса. Через историю государства автор пытается объяснить всю совокупность общественно-политических отношений, обосновывая их содержательно-фактуальным информационным материалом. Выбор государства как институции, наглядно демонстрирующий принципы исторического развития, был не случайным. В силу специфики исторического знания, соединяющего в себе области экономического, политического и социального кластеров, выбор государственного начала был наиболее очевиден. Сильное государство, сильная монархическая власть – гарант того, что в России причин для политических коллизий не сложилось и, так как власть эта незыблема, не сложится. Уже одна эта постановка вопроса выводит историописание Карамзина на принципиально новый уровень осмысления исторического процесса. Не констатация многообразных деяний предков, а историческая аналитика, имеющая вполне конкретную цель.

Аналогичную ситуацию можно наблюдать и в работе митрополита Платона «Краткая российская церковная история». Прежде всего автор отказывается от традиционного рассмотрения истории церкви через ее иерархию, что выражается в названии весьма конкретно. Тем самым смысл изложения переводится в совершенно другую плоскость. Дело в том, что, согласно богословским представлениям, церковь Христова, с одной стороны, «не принадлежит к области изменяемых предметов, – она неизменна ... как вечный Бог ее основатель» [8, с. 3], – сообщает архиепископ Филарет (Гумилевский). С другой стороны, согласно апостолу Павлу, «церковь – тело Христово» (1 Кор. 12, 27), то есть «общество людей, освященных благодатью» [8, с. 3]. Подобное определение до Платона всегда ставило в тупик церковного историка. Невозможно описать вечное, невозможно характеризовать божий промысел, кроме этого история церкви предполагала рассмотрение жизни всего социума. Другими словами, история русской церкви – это история общества, осененного православием. Это, в свою очередь, потребовало от Платона совершенно новой постановки исследовательской задачи, о сложности которой он как богослов был прекрасно информирован. Разрешение этой задачи, как и в случае с Карамзиным, привело его к неизбежной исторической аналитике. Таким образом, уже в самом названии этих исторических произведений выражена некая пресуппозиция, в которой предопределяется основная прагматическая направленность исторического текста.

Существует еще одна деталь, характерная для текстов историй Н.М. Карамзина и митрополита Платона, разительно отличающая эти работы от произведений предшественников. Презентация исторической информации в текстах XVIII века в своем схематически моделированном виде практически не содержит эмоционально-оценочных элементов и имеет ограниченную задачу – доведение до читателя нового известия. Исторический текст тем самым низводится до уровня сообщений, лишённых каких-либо субъективных характеристик. Как следствие, авторская парадигма подачи текстового материала сводится в конечном итоге к летописно-повествовательной форме.

Совершенно другая авторская схема появляется в подаче исторического материала как в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, так и в «Краткой российской церковной истории» митрополита Платона. В повествовании появляется выраженная назидательность, моралите, нравоучение. Характеризуя работу Карамзина, А.С. Пушкин с удивитель-

ной прозорливостью отметит: «Своею критикой он принадлежит истории, простодушием и аповтегмами хронике» [24, с. 40]. За этой фразой скрывается удивительно точное наблюдение: именно апофегмы Карамзина при всей их незамысловатости ложатся в основу авторской оценки исторического события и придают концептуальность тексту «Истории государства Российского». К сожалению, эта особенность изложения не была правильно понята потомками.

«История для Карамзина служит нравоучению, политическому наставлению, а не научному познанию» [3, с. 173], – отмечает Н.Л. Рубинштейн. Подобная оценка целиком связана с политическими симпатиями и антипатиями Карамзина. Рубинштейн уверен, что монархист Карамзин не мог сформулировать сколь-либо научных взглядов на русскую историю [3, с. 173]. Рубинштейн за политическими взглядами автора не замечает главного: нравоучение дает Карамзину возможность воздействовать на читателя, убеждать его в правильности своей точки зрения и оценки значимости исторического события, а это в свою очередь и порождает авторскую концептуальность. В отличие от летописной традиции, где назидательность повествования достигалась через нравственное поучение, смысл которого зачастую был в основном направлен на религиозное переживание респондента и весьма далек от реального исторического события, назидательность Карамзина предметна. Если летописец метафорично отгораживается от своего читателя, давая ему возможность понять поучение самому, то Карамзин, используя пафос в изложении материала, пытается вести читателя за собой, подспудно предлагая ему свое видение исторического сюжета. Использование в повествовании иного, нежели в летописи, тропа по-новому организует изложение, программирует читательские эмоции, заставляет приходиться к предложенным автором выводам. Русская история становится «предметом вдохновения артиста и сильных действий искусства на сердце» [25, с. 188]. Это создает в тексте литературно-историческую концептуальную информацию, развитие качества которой обеспечивает в дальнейшем возможность для перехода к более глубокой научной концептуализации истории, что и вынужден чуть ниже констатировать сменивший гнев на милость Н.Л. Рубинштейн, отметивший что Карамзин «не только подвел итог исторической работе XVIII века, но впервые донес ее до читателя, который ни Татищева, ни Щербатова читать не мог» [3, с. 188]. «Карамзин был проникнут мыслью, что история имеет смысл» [26, с. 27], – восклицает Ю.М. Лотман. И пусть, как он ого-

варивается ниже, этот «смысл», проникнутый провиденциализмом, весьма примитивен, это была бесспорная историографическая новация, отсутствующая в исторической литературе XVIII столетия. Именно наличие концептуальной информации, обобщающей содержательно-фактуальный материал повествования, делает «Историю государства Российского» столь желанным для читателя литературным произведением и задает новый формат исторического произведения XIX века. Этот формат заставит автора доносить до читателя собственные мысли, собственное прочтение исторического факта, собственную исследовательскую позицию.

Так же, как Карамзин, строит свой текст и митрополит Платон. Для него историческое изложение представляет собой прежде всего некую форму проповеди, где назидание выступает неотъемлемой частью повествования. За время своего служения Платон снискал славу выдающегося церковного оратора, «способного говорить публично, при собрании людей всякого состояния» [12, с. 5], «с математической последовательностью, словно доказывая теорему» [17, с. 86]. Стоит ли удивляться тому, что это чувственное восприятие повествования он переносит и на исторический текст. Морализаторство становится составной частью авторского стиля повествования. «Ибо нередко от одного непросвещения и невежества, а иногда и от злобы, люди неповинные пострадали, или больше наказаны, нежели вина их заслуживала» [26, с. 117], – наставляет проповедник читателя, описывая казнь волхвов в 1227 году в Новгороде. Связав подъем благосостояния монастырей с пороками монашеского быта, он тут же делает укорительный вывод: «ибо таковой готовый во всем достаток, а инде и изобилие, уменьшили труд и ввели праздность, а от того расслабление душевное и телесное» [27, с. 62]. Рассуждая об ужасах Батыева нашествия, он укоряет русских князей: «Ежлиб между российскими князьями всегда было согласие, или паче ежлиб единому вое подвластны были: не только Татары, но и сколько ни было народов, Россию победить, или себе покорить никак бы не возмогли» [27, с. 125]. Повествуя о реформе патриарха Никона, наставляет: «А надлежало было, объяснив все причины исправления книг, и представив пред очи видимые ошибки, так же оговорив, что и в старых книгах ничего церкви противного не заключается, а только находятся некоторые от переписчиков ошибки и от переводчиков неистинности» [28, с. 235]. Таким образом, через демонстрацию собственного переживания, возникающего в процессе литературной презентации текста, автор привлекает внимание читате-

лей к описанному историческому событию, передает свое отношение к нему, то есть формирует свою концепцию исторической действительности.

Особенно ярко концептуальность преосвященного автора раскрывается, когда он обращается к описанию древнерусского язычества. «Россия, как и все страны вселенные, находилась во тьме идолослужения» [27, с. 1], – начинает Платон свое повествование и чуть ниже продолжает: «В чем именно состояло идолопоклонство, то есть, какие существенные служения того были догматы, какие обряды, какие жертвы, какие боги ... в точности определить трудно или невозможно» [27, с. 1]. Ничтожность идолослужения, – отмечает Платон, – лишний раз подтверждается отсутствием его описания, а это говорит о том, что языческие боги никогда не были по-настоящему важны для славян. Последнее дает возможность утверждать, что Древняя Русь была предопределена православию и, пережив все возможные религиозные искусы, стала действительно телом русской церкви, а это давало возможность реализовать одну из основных задач исследования – демонстрацию незыблемости российского православного мироздания, социума, проникнутого божией благодатью.

К сожалению, столь важные изменения в схеме подачи исторического материала остались не замеченными подавляющим большинством современников. Н.М. Карамзин и митрополит Платон остаются в памяти скорее как последние летописцы, нежели первые историки. Объяснить эту ситуацию можно следующими причинами.

Прежде всего, понимание исторического произведения зачастую сводится лишь к получению содержательно-фактуальной информации, сама же концептуальность остается за бортом внимания, так как требует от читателя подняться над описанием событий, что возможно только в случае его хорошего знакомства с историческим контентом, связанным с данной эпохой.

Кроме того, широко используя пафос как троп, и Карамзин, и Платон намеренно скрывают авторское начало от читателя, создавая для него все условия для собственного чувственного осмысления событий. Подобный прием, широко применяемый в риторике, в историческом тексте был применен впервые, – как следствие, читатель не замечал того, что автор «программирует» его эмоции.

Следует отметить, что подобное программирование зачастую было очень далеко от научности. Литературное начало явно преобладает над аналитическим. Однако именно литературное начало позволило авторам подойти к раскры-

тию связи исторических событий. Любое литературное повествование требует подведения итогов в виде эпилога, который в свою очередь становится прологом к следующей части истории. Таким образом, авторское моралите в оценке исторического события формирует авторскую оценку ситуации, а это формирует пусть примитивную, но концептуальность.

Есть и еще один яркий пример формирующейся концептуализации изложения, на который мало обращают внимание, – это название самого сочинения Карамзина «История государства Российского». Уже в самом названии автор открыто заявляет, как и с каких позиций он будет рассматривать историю страны. Оставив за бортом рассуждения о правильности или неправильности авторской позиции, отметим, что для русской исторической науки подобный концептуальный подход к оценке событий российской истории был безусловной новацией. После весьма обтекаемых названий «Историй Российских...» В.Н. Татищева и М.М. Щербатова, Карамзин первый открыто формулирует стержневой принцип, заложенный в основу презентации русской истории: он будет рассматривать историю не как некую заданную свыше данность, а как закономерность, подчиненную силе или слабости государственной власти. Уже сам этот подход говорит нам о безусловном разрыве с историографической традицией XVIII века, еще во многом соотносящей себя с летописным повествованием.

Обращает на себя внимание еще одна сторона наследия сочинения Н.М. Карамзина – это критика, прогремевшая в его адрес. Если критические замечания Болтина на историческое сочинение Щербатова не шли далее констатации фактических ошибок, допущенных автором, то критика «Истории государства Российского» носит принципиально другой характер. Претензии высказываются не к историческим фактам, а к авторской подаче этих фактов [3, с. 186–188]. Критики досадуют на недоучет Карамзиным тех новых основ исторического знания, которые сложились уже в процессе написания его истории. То есть сами того не осознавая, они критикуют концепцию Карамзина. Однако даже такой усердный критик историографа, как М.Т. Каченовский, с пиететом указывает: «Карамзин написал вековые страницы, когда был полным властителем излагаемой материи» [29, с. 9], для того, «чтобы проложить путь младшим подвижникам» [29, с. 9], не столько завершая своей работой XVIII век, сколько открывая XIX век концептуальной историей.

Именно эта черта «Истории государства Российского» и «Краткой церковной россий-

ской истории» сразу была воспринята публикой с интересом и получила читательский отклик. Нельзя не отметить тот факт, что именно в пике истории государства Н.М. Карамзина Н.А. Полевой начинает писать «Историю русского народа», предлагая своему читателю уже иное осмысление событий, основанное на трудах Б.Г. Нибура, которому он и посвящает свою работу. Развивая темы истории церкви, за перо берется архиепископ Черниговский Филарет (Гумилевский), оставляя после себя «Историю русской церкви», не утратившую значения по сию пору. Таковы были результаты публикации двух выдающихся исторических работ, связавших два века русской историографии.

Список литературы

1. Толочко А. «История российская» Василия Татищева: источники и известия. М.: Новое литературное обозрение; Киев: Критика, 2005. 544 с.
2. Татищев В.Н. История российская с древнейших времен. Кн. 1. Ч. 1. М.: Московский императорский университет, 1768. 224 с.
3. Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М.: Госполитиздат, 1941. 659 с.
4. Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. М.: Terra, 1993. 686 с.
5. Полетаев Н. Труды митрополита Киевского Евгения Болховитинова по истории русской церкви. Казань: Типография императорского университета, 1889. 583 с.
6. Филарет (Гумилевский). Обзор русской духовной литературы. 862–1863. СПб.: Издание книгопродавца И.Л. Тузова, 1884. 551 с.
7. Глинка С.Н. Записки. СПб.: Русская старина, 1895. 380 с.
8. Филарет (Гумилевский) История русской церкви (в пяти периодах). М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2001. 840 с.
9. Снегирев И.М. Жизнь Московского митрополита Платона: в 2 ч. М.: Типография ведомства Московской городской полиции, 1856.
10. Розанов Н.П. История Московского епархиального управления со времени учреждения Св. Синода 1721–1821 года. Ч. III. М.: Синодальная типография, 1870. 281 с.
11. Розанов Н.П. Московский митрополит Платон (1737–1812). М.: Синодальная типография, 1913. 90 с.
12. Надеждин А.А. Митрополит Московский Платон как проповедник. Казань: Изд-во императорского университета, 1882. 226 с.
13. Лысогорский Н.В. Московский митрополит Платон как противораскольничий деятель. Ростов н/Д: Электро-печать А.И. Тер-Абромиан, 1905. 656 с.
14. Титлинов Б.В. Московский митрополит Платон (Левшин) и его участие в церковно-правительственной деятельности своего времени // Христианское чтение. 1912. № 11. С. 1199–1260.
15. Виноградов В.В. Платон и Филарет, митрополиты Московские: сравнительная характеристика //

Богословский вестник. 1913. № 1. С. 10–34; № 2. С. 311–347.

16. Флоровский Г.В. Пути русского богословия. Вильнюс: Вильтис, 1991. 602 с.

17. Зубов В.П. Русские проповедники: очерки по истории русской проповеди. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 231 с.

18. Стенник Ю.В. Исторические воззрения митрополита Платона (Левшина): о книге «Краткая церковная российская история» // XVIII век: сборник статей № 23. СПб.: Наука, 2004. С. 211–230.

19. Глазева А.С. Московский митрополит Платон (Левшин) (1737–1812) и его церковно-государственная деятельность: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2014. 22 с.

20. Знаменский П.В. Чтения по истории Русской Церкви за время царствования Екатерины II // Православный собеседник. 1875. № 2. С. 99–143.

21. Смирнов С. История Московской славяно-греко-латинской академии. М.: Типография В. Готье, 1855. 432 с.

22. Баженова Е.А. Научный текст и среда // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 2(8). С. 60–64.

23. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2006. 144 с.

24. Пушкин А.С. «История русского народа» Н.А. Полевого. Статья I // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в шести томах. Т. 5. Критика. История. Публицистика. М.–Л.: ГИХЛ, 1934. 546 с.

25. Карамзин Н.М. О случаях и характерах в Российской истории, которые могут быть предметом художеств. Письмо господину NN // Карамзин Н.М. Избранные сочинения в двух томах. Т. II. М.–Л.: Художественная литература, 1964. 591 с.

26. Лотман Ю.М. Колумб русской истории // Карамзин Н.М. История государства Российского: В 2 книгах. Кн. 1. Т. I–VI. СПб.: Золотой век, 2003. 832 с.

27. Платон (Левшин) митрополит Московский. Краткая церковная российская история. Т. I. М.: Синодальная типография, 1805. 389 с.

28. Платон (Левшин) митрополит Московский. Краткая церковная российская история. Т. II. М.: Синодальная типография, 1805. 353 с.

29. Каченовский М.Т. История государства Российского. Том XII // Вестник Европы. 1829. № 17.

NOTES ON THE PROBLEM OF THE LEVEL OF CONCEPTUAL INFORMATION IN HISTORICAL WORKS OF THE BEGINNING OF THE XIX CENTURY

N.I. Solntsev

The article is devoted to identifying the levels of historical information in the texts of historical works of the XVIII – early XIX century. Based on the view that a historical work is a type of text with characteristic subject-semantic, logical-compositional and informative features, an attempt is made to reveal and justify the reasons for the emergence of the level of conceptual historical information in the texts of the «History of the Russian state» by N.M. Karamzin and the «Brief Church history of Russia» by Metropolitan Platon (Levshin) as the first attempt to comprehend the historical regularity.

Keywords: historiography, historical information, historical conception, author's conclusion, cause-and-effect relations, history of historical science in Russia.

References

1. Tolochko A. «Russian History» by Vasily Tatishchev: sources and News. M.: New Literary Review; Kiev: Criticism, 2005. 544 p.

2. Tatishchev V.N. Russian history since ancient times. Book 1. Part 1. M.: Moscow Imperial University, 1768. 224 p.

3. Rubinshtein N.L. Russian historiography. M.: Gospolitizdat, 1941. 659 p.

4. Kartashev A.V. Essays on the history of the Russian Church. M.: Terra, 1993. 686 p.

5. Poletaev N. Works of Metropolitan Yevgeny Bolkhovitinov of Kiev on the history of the Russian Church. Kazan: Printing House of the Imperial University, 1889. 583 p.

6. Filaret (Gumilevsky). Review of Russian spiritual literature. 1862–1863. St. Petersburg.: Edition of the bookseller I.L. Tuzov, 1884. 551 p.

7. Glinka S.N. Zapiski. St. Petersburg: Russian Antiquity, 1895. 380 p.

8. Filaret (Gumilevsky). The History of the Russian Church (in Five Periods). M.: Sretensky Monastery Publishing House, 2001. 840 p.

9. Snegirev I.M. Life of the Moscow Metropolitan Platon: in 2 parts. M.: The Printing Department of the Moscow city police, 1856.

10. Rozanov N.P. The history of Moscow eparchy material management since the establishment of St. Synod 1721–1821 year. Part III. M.: Synodal printing house, 1870. 281 с.

11. Rozanov N.P. Moscow Metropolitan Platon (1737–1812). M.: Synodal Printing House, 1913. 90 p.

12. Nadezhdin A.A. Metropolitan Platon of Moscow as a preacher. Kazan: Publishing House of the Imperial University, 1882. 226 p.

13. Lysogorsky N.V. Metropolitan Platon of Moscow as an anti-schismatic figure. Rostov-on-don: Electric Printing A.I. Ter-Abromian, 1905. 656 p.

14. Titlinov B.V. Moscow Metropolitan Platon (Levshin) and his participation in the church-government activities of his time // Christian Reading. 1912. No. 11. P. 1199–1260.

15. Vinogradov V.V. Platon and Filaret, Metropolitans of Moscow: comparative characteristics // Theological Bulletin. 1913. No. 1. P. 10–34; No. 2. P. 311–347.

16. Florovsky G.V. The Ways of Russian Theology. Vilnius: Viltis, 1991. 602 p.

17. Zubov V.P. Russian Russian preachers: Essays on the history of Russian preaching. M.: Editorial URSS, 2001. 231 p.
18. Stennik Yu.V. Historical views of the Metropolitan Plato (Levshin): about the book «Brief Central Russian history» // XVIII century: Collection of articles. No. 23. St. Petersburg: Science, 2004. P. 211–230.
19. Glazeva A.S. Moscow Metropolitan Platon (Levshin) (1737–1812) and his church-state activity: Abstract of the dissertation of the Candidate of Historical Sciences. Voronezh, 2014. 22 p.
20. Znamensky P.V. Readings on the history of the Russian Church during the reign of Catherine II // Orthodox Interlocutor. 1875. No. 2. P. 99–143.
21. Smirnov S. History of the Moscow Slavic-Greek-Latin Academy. M.: Printing house of V. Gauthier, 1855. 432 p.
22. Bazhenova E.A. Scientific text and environment // Bulletin of the Perm University. Russian and foreign philology. 2010. Issue 2(8). P. 60–64.
23. Galperin I.R. Text as an object of linguistic research. M.: KomKniga, 2006. 144 p.
24. Pushkin A.S. «The history of the Russian people» by N.A. Polevoy. Article I // Pushkin A.S. Complete collection of works in six volumes. Vol. 5. Criticism. History. Journalism. M.–L.: GIHL, 1934. 546 p.
25. Karamzin N.M. On cases and characters in Russian history that can be the subject of art. Letter to Mr. NN // Karamzin N.M. Selected works in two volumes. Vol. II. M.–L.: Fiction, 1964. 591 p.
26. Lotman Yu.M. The Columbus of Russian History // Karamzin N.M. History of the Russian State: In 2 books. Book 1. Vol. I–VI. St. Petersburg: The Golden Age, 2003. 832 p.
27. Plato (Levshin) metropolitan of Moscow. Brief Ecclesiastical Russian History. V. I. M.: Synodal Printing House, 1805. 389 p.
28. Plato (Levshin) metropolitan of Moscow. Brief Church Russian history. V. II. M.: Synodal Printing House, 1805. 353 p.
29. Kachenovsky M.T. History of the Russian state. Volume XII // Bulletin of Europe. 1829. № 17.